

С. В. ТРОИЦКИЙ

Об именах Божиих и имябожниках

<Глава> «Защитники имябожников»

Они желают, чтобы им верили, когда не знают, как сами веруют.

*Св. Афанасий Великий*¹.
Окружное послание против ариан

В краткой, но печальной истории движения имябожников малозаметную по внешности, но довольно значительную по существу роль сыграли, да и еще и играют лица, состоящие, так сказать, не действительными членами новой секты, а лишь сотрудниками. Они не включают себя в секту, они не принимают на себя никаких обязательств, но по мере сил, охоты и умения поддерживают ее. Еще до выхода в свет своей «Апологии» Булатович оповещал своих единомышленников, что книги его посылались на просмотр «богословам и профессорам Духовных академий» и были одобрены ими. Верность этого заявления подтверждается и самым изданием книги, в предисловии коей помещен отзыв о труде, «принадлежащий перу одного из наиболее уважаемых и заслуженных богословов нашей родины». Здесь объявляется, что «апологет (т. е. Булатович) далеко не невежествен и не развит формально (а разве это нужно доказывать?), и напротив, полное невежество и непонимание дела на стороне рецензента (т. е. инока Хрисанфа, впервые указавшего на неправильные мысли в книге Иларiona). Помимо профессоров в защиту имябожников выступили члены издательства «Религиозно-философской библиотеки» в Москве. Это издательство не только напечатало «Апологию» Булатовича и поместило в «Материалах к спору о почитании Имени Божия» три других сочинения имябожников («Открытое письмо святогорцев-исповедников Имени Божия к его преосвященству епископу Никону», «Исповедание веры во имя Божия» и «Доказательство из

Св. Писания и св. отец учения об Имени Божиим, изложенного в шести пунктах) *», но и в предисловии к первому труду, написанному «от Редакции», всецело стало на сторону имябожников. В этом довольно странном и написанном чрезвычайно напыщенным языком предисловии новое лжеучение называется «духовным извержением». «Прозвание 1912 году», в коем произошло это «духовное извержение», по мнению редакции, должно быть «год афонских споров об Имени Иисусове». На стороне противников имябожников, которые называются «имеборцами», редакция усматривает лишь «рационалистический душевный склад, легкомысленную ругань и клеветнические наветы», тогда как для похвалы имябожникам редакция прямо не находит слов. Имябожники будто бы «совершали свое церковное послушание под гром Балканской войны, под свист и шипение имяборческих пасквилей, при позорном молчании богословских журналов». Самолюбивый и весьма «искательный» инок Иларион превозносится здесь как один из наиболее видных представителей духа древнего отшельничества Фиваиды² и Сирии и т. д. Хотя редакция и находит нужным дальнейшее обсуждение вопроса с точки зрения философской, психологической и исторической вполне желательным, но в то же время она признает вполне истинной основную мысль книги Булатовича, «что учение о Божественности имен Божиих есть не что иное, как частный случай общего церковного учения о Божественности всякой энергии Божией». С целью подтвердить свою высокую оценку труда Булатовича, редакция помещает далее упомянутый «авторитетный» отзыв одного из наиболее уважаемых и авторитетных богословов, объявляющего, что он «лично весь на этой стороне», т. е. на стороне Булатовича.

Помимо рекламирования и издания трудов имябожников содействие им со стороны группирующегося около издательства кружка выразилось и в прямом анонимном сотрудничестве в составлении Апологии. Такое сотрудничество заметно особенно там, где Апология трактует о паламитах и варлаамитах³ и о нем упоминает сам автор Апологии, говоря, что «сия книга написана при содействии высокопросвещенных российских богословов» **.

Конечно, такая деятельная поддержка имябожников со стороны их таинственных покровителей не могла не иметь своих

* А во втором издании, только что полученном нами, сюда присоединено еще несколько подобных «творений».

** Апология. С. 189.

последствий. И она имела их, — в усилении и обострении афонской смуты. Афонские имябожники вообразили, что на их суетливые мудрии наложена печать истинной богословской учености, а все то, что писали и говорили против них православные, стало представляться им в лучшем случае недоразумением, и в худшем изменой православному учению во имя личных и партийных интересов.

Между тем события шли своим чередом. Святейший Синод присоединился к мнению вселенской патриархии относительно учения имябожников, но подогреваемые в своей ревности не по разуму таинственными богословами имябожники и на постановление Святейшего Синода особого внимания не обратили и отношение между двумя партиями на Афоне обострилось настолько, что каждую минуту можно было ждать кровавой развязки. И та и другая партия пришли к убеждению, что дальнейшая совместная жизнь их в одном месте невозможна, и обе партии обратились к власти с одинаковой просьбой — увезти ту или другую с Афона. И была одно время опасность, что увезти придется именно православных. Когда же решено было увезти с Афона лишь имябожников, они, хотя сами же просили этого, потребовали, чтобы монастырские миллионы были поделены между ними, а когда это невозможное условие не было выполнено, оказали открытое сопротивление власти и уступили только напору воды. Остальное известно.

В то время когда запутанные своими вождами и высокопросвещенными российскими богословами несчастные афонские монахи сдавали чистые рубашки и готовились умереть за имя Иисусово, а автор этих строк с раннего утра до позднего вечера работал в монастырской библиотеке, до хрипоты спорил с агитаторами секты, разъезжал в июльскую жару по Афону, не зная, не придется ли свести знакомство с пулей греческого четника или с камнем фанатика имябожника, гордые сознанием исполненного долга вожди секты покинули своих сторонников и благодушествовали. Булатович жил в своем имении, Кусмарцев заблаговременно тайно уехал в Россию и на пути обирал паломников, да и прибыв занялся тем же, только в более широких размерах, Григорович сбросил монашеское платье и с офицерским паспортом поехал в Россию, а Парфений благоразумно прислал отречение. Что же за это время делали «высокопросвещенные российские богословы»? Казалось бы, что после того, как новое учение было осуждено Церковью и борьба с ним повела к таким печальным происшествиям, они должны сделать одно из двух: или признав оказанную ими поддержку имя-

божникам ошибочным шагом, сделанным по человекоугодничеству, по малоосведомленности и вообще по слабости человеческой, поспешить откровенно сознаться в этом и разубедить соблазненных ими простецов, или наоборот, доказать, что, поддерживая имябожников, они поддерживали правое дело и что церковная власть как Константинопольской, так и Русской церкви впала в заблуждение, осудив это правое учение. Такая альтернатива была бы неизбежна для того, для кого дороже всего интересы истины, а не интересы личного самолюбия, интересы издательской фирмы или кружка. Но «высокопросвещенные богословы» оказались «ни холодны, ни горячи». В душе они, конечно, прекрасно поняли после Синодального послания, что имябожничество — учение ложное, но у них не хватило порядочности сознаться в ошибочности сделанного ими ранее. Но, с другой стороны, и молчать было нельзя. На них смотрели, от них ожидали объяснения, ждали не одни имябожники. Что же делать? Где же выход из столь затруднительного положения? А выход очень удобный. Просто вопрос по существу обойти, направить мысль читателя в сторону более общих вопросов и, не подавая виду, что сами попали в ложное положение, похвалить самих себя и начать ругать других, Святейший Синод и патриарха за якобы превышение ими своей компетенции и за нецелесообразный образ действий. Ругать духовное ведомство ныне сделалось просто «*façon de parler*»⁴, а если выругаться с известным смаком и с гражданско-церковной скорбью, то растроганный и увлеченный читатель, конечно, и не заметит, что положение самого-то ругателя не из красивых. И вот в недавно оштрафованном за порнографию журнале «Русская мысль»^{*} появилась написанная по этому рецепту статья С. Н. Булгакова «Афонское дело». Применяясь к такому содержанию статьи, мы во-первых, выясним те приемы, к которым прибегает г. Булгаков, чтобы уклониться от рассмотрения вопроса по существу; во-вторых, рассмотрим, было ли в данном деле превышение власти и наконец, в-третьих, выясним ту истинную обстановку, в которой это дело происходило.

I

В своей статье г. Булгаков все время ходит вокруг да около основного вопроса: истинно или ложно новое учение, но всякий

* Русская мысль. 1912. Сентябрь. С. 37—46.

раз как приходится отвечать на него, он обходится лукавыми полуответами и недомолвками, а иногда и прямо пишет неправду. «Вопрос о существовании имени вообще (философия имени) и об имени Божиим, лукавит С. Н. Булгаков, является одной из самых основных, а потому и наиболее трудных для понимания религиозно-философских проблем. Нисколько не удивительно, что для рационалистического мышления он представляется простым недоразумением, а новый «догмат» просто «глупым» (в этом сходятся, например, приват-доцент А. И. Покровский и архиепископ Антоний)». На самом деле, и тот и другой автор этого вопроса вовсе не считают недоразумением, а глупым они считают лишь ответ, который дают на него имябожники, и г. Булгакову следовало бы попытаться доказать противное.

«Не менее роковым для него, продолжает прикрываться словами г. Булгаков, оказывается и чрезмерное его прагматическое упрощение, которое может вести, действительно, к «имебожью», т. е. к непосредственному обожествлению букв и звуков имени Божия, к механическому или, по крайней мере, магическому истолкованию молитвы (исключительно так и понимается новое учение во всех трех докладах по этому вопросу, представленных в Святейший Синод и в его постановлении и против такого огрубленного его понимания он и направляет главную свою борьбу)».

Так писать о докладах можно лишь, или не читав их, или желая ввести в заблуждение читателя. На самом деле, напр<имер>, в моем докладе такое «прагматическое упрощение», во все не считается основным содержанием имябожников, а лишь характерной чертой одной группы имябожников* и притом не главной, — тогда как основное течение имябожничества, за которое ломали перья «высокопросвещенные богословы» и которое осуждено Святейшим Синодом, состоит в теоретическом, а не прагматическом превознесении имени Божия. «Если бы к этому действительно только и сводилось «имеславие», то борьба эта была вполне законна и достаточно мотивирована», продолжает лукавить г. Булгаков. Но в том-то и беда, ответим мы, что учение имябожников сводится не только к этому; если бы оно сводилось лишь к прагматическому обожествлению священных символов, то оно было бы лишь суеверием, но оно не ограничивается этим, а подыскивает догматические предпосылки под

* См.: Церк<овные> вед<омости>. 1913. № 20. С. 889: «Среди защитников имени Иисусова довольно ясно обозначилось два течения...»

это суеверие и таким-то образом становится опасной ересью, борьба с которой, конечно, составляет прямой долг Церкви.

Но этого-то и не хочет признать Булгаков и изоцряется в усилиях как-нибудь затушевать сущность учения имябожников. «Учение о имени Божиим, — пишет он, — явилось попыткой осмыслить религиозные переживания, бывающие у подвижников при молитве. Таким образом, в новом учении вопрос идет о теории молитвы: как понимать реальную действительность молитвы, в которой призыванию имени Божия, стало быть (почему «стало быть?»), и самому имени Божию принадлежит основное значение».

Это неправда. Основное содержание этого учения не «теория молитвы», а обожествление имени, утверждение, что имя Божие есть божественное действие, или даже личное духовное существо божеского достоинства, которому можно и угождать и не угождать.

Теория же молитвы имябожников есть лишь приложение этого учения к частному вопросу, к известному виду взаимоотношений между понимаемым так «Именем Божиим» и человеком. В учении имябожников одинаковое место с теорией молитвы занимает и теория чуда, и теория таинства, и теория освящения и т. д., но все это лишь частные пункты этого учения и выводы, а вовсе не его основное содержание.

Затем сказать, что имябожничество есть теория молитвы — это вовсе еще не значит доказать, что Церковь не должна была осудить его как ересь. Ведь и теория молитвы может быть еретической. Была своя теория молитвы и у индийских йогов, и у еврейских раввинов, и неужели Церковь может одобрить попытку подменить вполне выясненное христианское учение о молитве подобным языческим учением?

Как ни неприятно г. Булгакову, а все же ему приходится коснуться и основного положения учения имябожников, но и здесь он опять ничего ясного и определенного не говорит.

«Афонская формула, — нарочно напускает туману апологет издательства, — предложенная о. Антонием Булатовичем («имя Божие есть Бог»), до сих пор вызывает непонимание и недоразумение одинаково и среди интеллигенции, и рядовых верующих, среди духовенства и монашествующих... Сосредоточиваясь на религиозно-догматической стороне вопроса, надо сказать, что афонцы все-таки прегрелись чрезмерным и преждевременным догматизированием своего учения, и в частности, своей (и вообще едва ли удачной) формулы, что “имя Божие есть Бог”... Даже и истинное мнение, если оно становится средством цер-

ковного разделения и создает волю к нему, может получить оттенок еретический».

Эти фразы в статье увертливого друга имябожников возбуждают чуть ли не столько недоуменных вопросов, сколько в них слов.

В самом деле, если предложенная Булатовичем (вернее, Иларионом) формула везде возбуждает недоумение, то следовало бы начать статью именно с разъяснения этой формулы. Почему же он этого не делает? Почему апологет оставляет своих читателей в сущности в полном неведении, о чем идет вопрос? Почему опускает удобный случай привлечь читателей на сторону своих клиентов возвышенностью, глубиной и стройностью их учения? Уж не потому ли, что он втайне сознает, что достаточно выяснить эту формулу так, как выясняют ее сами имябожники, чтобы всякий, хотя немного образованный человек понял, что архиепископ Антоний и приват-доцент Покровский были недалеко от истины в своей оценке нового учения и что издатели «Религиозно-философской библиотеки», покровительствуя им, попали в очень и очень конфузное положение? Непонятно далее, почему он говорит лишь о формуле, а не о самом учении. Что значит «едва ли удачная формула?» То ли, что она не соответствует тому учению, какое должна выражать? Но в таком случае, скажите же, наконец, г. Булгаков, в чем заключается это учение? Или неудачна потому, что заключает в себе неверную мысль? Но в таком случае она не только неудачна, но и ложна. Что это, наконец, за вещь: «чрезмерное догматизирование?» Разве в догматизации есть свои градации? Каким, наконец, образом истинное мнение может получить оттенок еретический, если оно истинно? А если учение имябожников по существу истинно, а лишь имеет оттенок еретический, то не нужно ли показать, в чем состоит этот оттенок?

Искусно уклоняясь от решения вопроса по существу, г. Булгаков там и здесь подготавливает лазейки для попавших в неприятную историю своих единомышленников, а попутно разбрасывает цветы комплиментов по их адресу. Оказывается, что кружок стремился лишь к тому, чтобы поставить этот будто бы совершенно новый вопрос на обсуждение. «В церковных кругах, — пишет он, — вопрос этот и в настоящее время не только не находит единомыслия, но даже и понимания, и говорить о его догматической зрелости во всяком случае еще преждевременно. Эта точка зрения высказана и редакцией «Религиозно-философской библиотеки», издавшей сочинения афонского иеросхимонаха Антония Булатовича... в предисловии», и вслед

за тем приводит выдержку из этого предисловия, где говорится, что для церковного решения споров требуется немало подготовительных трудов и что данная работа требует новых работ в *ином* (курсив г. Булгакова) направлении. Но это опять-таки со стороны г. Булгакова прием заметания следов.

На самом деле, как мы видели, в предисловии к «Апологии» издавший ее кружок весьма решительно становится на сторону ее автора, и выражение «в ином направлении», если его взять в контексте, означает вовсе не то, что кружок допускает законность и других точек зрения, а лишь то, что он находит желательным восполнение труда Булатовича, выясняющего библейское и святоотеческое учение об имени Божиим, данными философии, психологии и истории. Это было бы ясно, если бы г. Булгаков не употребил маленькую хитрость — не заменил точками фразу, ниспровергающую его апологетические старания.

Пытаясь «делать хорошую мину при худой игре», г. Булгаков даже восхваляет издавший Апологию кружок, к числу коего принадлежит и сам. По его заявлению, только благодаря кружку «единственная до сих пор попытка систематического изложения вопроса о почитании имени Божия, принадлежащая перу Антония Булатовича, могла увидеть свет лишь в частном издании, именно под фирмой “Религиозно-философской библиотеки”, руководимой столь нелицемерным, но вместе и независимым представителем православия, как М. Н. Новоселов». Словом «пожалуйте к нам, у нас покупали»; и худой товар ловкими руками показывается лицом. Но ведь изданная «библиотекой» книга Булатовича говорит вовсе не о почитании имени Божия, а главным образом, о его природе, а о почитании его она собственно почти не говорит, так как учит воздавать имени Божию не почитание, как иконам и кресту, а служение, как Богу. Утверждение, будто Булатович первый сделал попытку систематического изложения учения об имени Божиим, свидетельствует лишь о малоосведомленности издателей его труда в святоотеческой литературе.

Непонятно, почему эта книга могла увидеть свет только под фирмой библиотеки? Разве ее не мог издать сам Булатович, как издавал другие свои труды? Да если бы она и совсем не увидела света, беда была бы, право, невелика. Что касается независимости, то эта независимость не есть независимость того, кто «истину царям с улыбкой говорил», а независимость ягненка басни, с кровли высокого хлева ругающего волка, и хвалиться такую независимостью, право, как-то неловко.

II

Похвалив свой кружок, г. Булгаков начинает обличать церковную власть, осудившую имябожничество. Обвиняет он ее в двух погрешностях, во-первых, в превышении своей компетенции, во-вторых, в неумелом, в нецелесообразном образе действий.

Превышение своей компетенции властью, по мнению г. Булгакова, выразилось в том, что греческий патриарх и русский Святейший Синод будто бы создали новый догмат о почитании имени Божия, тогда как новые догматы может устанавливать лишь вся Церковь, все тело Церкви, не одна иерархия, а вместе с мирянами на Вселенском соборе. Выясняя эту мысль, г. Булгаков делает сначала экскурс в сторону католической практики, где вопрос об установлении новых догматов решается «с геометрической ясностью», благодаря догмату о непогрешимости Папы. Но «в православии внешнего догматического авторитета нет. Таковым же являются ни органы высшего церковного управления, ни даже самые так называемые (?) “Вселенские соборы”, которые в сущности лишь провозглашали и утверждали догмат, принимавшийся, однако, всем телом Церкви». «Как же возможно теперь установление нового догмата?» — спрашивает г. Булгаков и отвечает: «Прежде всего внешний орган вселенского (в смысле географическом) сознания в настоящее время окончательно утерян, ибо Церковь уже много веков окончательно раскололась, по крайней мере (!) на две части, восточную и западную. Однако, принцип соборования, принятие и сохранение догматического учения лишь всеми членами Церкви остается в полной силе в православии и не может быть чем-либо заменен; только то, что воспринято в качестве догматической истины церковным сознанием, что стало для него фактом, может быть провозглашаемо в качестве догмата, и этого права односторонне не может присвоить себе и высшая иерархия, которая полномочна в порядке церковного управления осуждать лишь такие мнения, которые содержат в себе прямое или косвенное отрицание уже признанных догматов и в этом смысле явно являются еретическими. В вопросах же новых, впервые ставящихся в церковно-историческом развитии, впредь до наступления догматической зрелости для того или иного учения и фиксации его в церковном сознании, остается свобода для “личного искания”, для “богословских мнений”. И в этом состоит свобода в православии... *in necessariis unitas, in dubiis libertas*». Г. Булгаков соглашается, что здесь таится опасность ереси, но это не

устрашает его. «Подобает и ересям быть среди вас, чтобы открылись искуснейшие (1 Кор. 11, 19), снисходительно замечает ап. Павел», — пишет он. Далее он указывает два вида ереси — отрицание незыблемого догмата и догматическое самоутверждение нового богословского мнения. В деле имябожников он видит лишь последнее, причем в излишней догматизации, т. е. во втором виде ереси повинны не только имябожники, вовлеченные в эту ошибку представителями церковной власти, но главным образом сама церковная власть, которая догматизировала свое мнение, на что она не имела права. «Уже самое притязание на самовластное установление новых догматов (а здесь речь идет именно о новом догмате), — пишет Булгаков, — являлось бы не только не каноничным, но и вело бы уже действительно к настоящей ереси, к извращению православия, к узурпации. Ни Синоду, ни патриарху не свойственна догматическая непогрешимость. Поэтому постановление Синода по вопросу о новом догмате может иметь силу — самое большое лишь условного (*donec corrigetur*), временного и предварительного определения, иначе говоря, действия церковной власти в порядке управления, но отнюдь не непререкаемого голоса Церкви». Окончательное же догматическое определение может принадлежать только всему телу церковному. С точки зрения православного учения о Церкви остается незыблемым, что догмата к этому вопросу еще нет, ибо его не властно установить своей единичной волей ни афонское монашество, ни Св. Синод, ни патриарх».

Упрекая в превышении власти и Синод, и патриарха, и даже своих клиентов, г. Булгаков предоставляет чрезвычайно почетную роль членам своего кружка, роль третейского суда между имябожниками и церковною властью. Он жалуется на насилие над совестью тех, кто «относится к вопросу вполне нейтрально», и говорит, что надо устранять «грубые извращения порождаемые фанатизмом той и другой стороны». «В событиях этого, года, — говорит он в заключение, — нельзя видеть окончательного решения вопроса, напротив это есть пролог к дальнейшему догматическому движению, и посильное в нем участие должно составлять естественную обязанность всех живых членов православной Церкви».

Мы подробно изложили ход мыслей г. Булгакова, являющегося в данном случае выражением мнения многих, и должны сказать, что все его построение есть результат применения к событию, имевшему место в православной Церкви, совершенно чуждого православию критерия. Исходная точка всех его рассуждений — это чуждое православной догматике учение о дог-

матическом развитии. Являясь в данном пункте последователем В. С. Соловьева, а также и многих других «светских богословов», мечтающих о «новом откровении», о царстве Св. Духа и т. п., Булгаков в качестве аксиомы выставляет положение, что в Церкви могут быть новые догматы. Этим чаянием новых догматов объясняется отчасти та поддержка, которую оказали светские богословы имябожникам. Ожидание появления нового догмата, который бы подтвердил *ipso facto*⁵ своего существования их учение о догматическом развитии, было столь напряженно, что они не были в состоянии заметить бросающуюся в глаза его нелепость, а как будто в галлюцинации увидели в нем лишь, по выражению Булгакова, «ростки новой жизни», «подпочвенное движение воды в православии». Но православие вообще не знает никаких новых, догматов. По православному учению, откровением возведена Церкви истина абсолютная, божественная неизменная, возвращена Духом Святым во всей полноте своей еще апостолами, согласно обетованию Спасителя: «Той вы научит *всему* и вспомянет вам *вся*» (Ин. 14, 26), «наставить вас *на всякую истину*» (Ин. 16, 13), а апостолы «в Церковь, как бы в богатую сокровищницу доложили *в полноте все*, что относится к истине»*. С самого основания Церкви в ней были те же самые догматы и в таком же количестве, как и теперь, и Церковь никогда не устанавливала и не устанавливает никаких новых догматов, а лишь хранит в неизменности все догматы, изначала ей преданные. Но это хранение не есть только хранение в неизменности известных формул. Нет, это есть прежде всего постоянное хранение в церковном сознании известных идей о Боге и спасении, внедряемое и укрепляемое действием Святого Духа в сердце человека и благодатным влиянием таинств церковных есть некое предначинательное боговидение, предвосхищение того состояния, когда члены Церкви будут видеть Бога лицом к лицу. Исповедуемые Церковью истины выражаются в известных словесных формулах, но словесные формулы сами по себе не составляют догмата, а лишь его выражение, *символ*. Поскольку слово лишь отчасти может выразить догмат, неизменно хранящийся в церковном сознании, догматические формулы могут изменяться, совершенствоваться, а некоторые из них как наиболее точное выражение догматов, сделаны обязательными на Вселенских соборах для всех членов Церкви, но принятие этих формул Вселенскими соборами не есть установление новых догматов, как представляет

* *Св. Иринея Лионский*. Против ересей. III. 4.

г. Булгаков и другие наши «модернисты». И до Вселенских соборов, когда таких общеобязательных формул не было, Церковь имела те же самые догматы и потому осуждала как еретиков всех тех, кто считал правильным свое учение, отклоняющееся от учения сохраняющегося в Церкви благодатью Св. Духа. И Вселенские соборы, «последующие божественным отцом», как заявляли они, не устанавливали новых догматов, а лишь формулировали то, чему с самого начала верила вся Церковь, и не формула давала бытие догмату, а догмат формуле. Поэтому, как и до Вселенских соборов, так и на Вселенских соборах Церковь осуждала и тех, кто учил неправильно еще до того времени, как точная формулировка была установлена. Например, на V Вселенском соборе⁶ подвергся анафеме Феодор Мопсуэстийский за неправильное учение о Лице Иисуса Христа, хотя точная формула этого учения установлена была впервые на III Вселенском соборе⁷ четыре года спустя после смерти Феодора († 426).

Здесь сами имябожники обличают своих защитников. «Еретиком считается всякий, погрешающий против догмата св. Церкви, — читаем мы в их «Ответе на грамоты святейших вселенских патриархов», — поэтому и имяборцы, как отмечающие догмат о почитании имени Божия Богом, и о поклонении ему — суть еретики. Но нам могут возражать, что учение об имени Божиим еще не имеет точно установленной формулировки (определения) со стороны Св. Церкви, поэтому, его нельзя считать догматом; значит и погрешающих против него нельзя считать еретиками. На это мы ответим, что подобное возражение не может быть действительно, так как догматы, т. е. Богооткровенное учение о Боге, не придуманы людьми, но суть вечные истины, существующие с начала христианства, а некоторые и от века, и не подлежащие изгнанию, подобно обрядам, правилам и пр. Поэтому погрешающие в понимании и изложении их, ненавистного от того формулированы (определены) ли сии догматы св. Церковью или нет, суть воистину еретики. Так смотрели на сие дело и св. отцы, называя еретиками погрешающих против какого-нибудь догмата раньше точной формулировки его на Соборе»*.

Таким образом сами клиенты г. Булатовича его точку зрения признают ложной, и слова г. Булгакова «своя своих не познаша», всего лучше применить к нему самому.

Мало того, сами же имябожники ссылаются на церковное постановление, весьма неблагоприятное для позиции, занятой

* Ответ на грамоты. С. 12.

их защитниками. «Не лишним считаем указать анафему, — пишут они, — против тех, кто *по ласкосердию, челвекоугодию* сообщается с еретиками: “Кто защищает кого-либо приверженного к ереси, ... тому анафема” (*Никольский К.* Анафематствование в 1-ю неделю Великого поста. 1879. С. 19)» *.

Теория развития догматов, которой придерживаются ваши неохристиане, есть прекрасное убежище для всех существующих ересей и плодородная почва для порождения новых, и сторонники этой теории всегда есть еретики или *de facto* или *in spe*⁸. Теория эта, конечно, не нова. Ею держался, например, и предтеча нынешних имябожников Евномий, за что обличал его св. Григорий Нисский⁹, настаивающий на неизменности не только содержания, но и буквы догматов, раз они установлены Церковью**. Для В. С. Соловьева эта теория была нужна лишь как средство для оправдания новоизмышленных догматов католической Церкви. Почему так нравится теория развитая догматов г. Булгакову и другим нашим неохристианам, это прекрасно объяснил он сам в своей исповеди, напечатанной под заглавием «Героизм и подвижничество» в «Вехах». «В настоящее время, — исповедуется г. Булгаков, — можно также наблюдать особенно характерную для нашей эпохи интеллигентскую подделку под христианство, усвоение христианских слов и идей при сохранении всего духовного облика интеллигентского героизма. Каждый из нас, христианин из интеллигентов, глубоко находит у себя эту духовную складку. Легче всего интеллигентному героизму, преоблачившемуся в христианскую одежду и искренно принимающему свои интеллигентские переживания и привычный героический пафос за христианский праведный гнев, проявить себя в церковном революционизме, в противопоставлении своей новой святости, *нового религиозного сознания* неправде “исторической Церкви”. Подобный христианствующий интеллигент, иногда неспособный по настоящему удовлетворить средним требованиям от члена “исторической Церкви”, всего легче чувствует себя Мартином Лютером или, еще более того, пророчественным носителем *нового религиозного сознания* призванным не только обновить церковную жизнь, но и создать новые формы, чуть ли не новую религию»***. И вот, продолжаем мы речь Булгакова, теория развитая догматов всего более соответствует душевному строю таких ряженных христиан, а

* Материалы. 40.

** Прот. Евн. Кн. I. Мг. 45, 272 А; 293 А; 300 А—В; Кн. 2. Мг. 458 В.

*** Вехи. М., 1909. С. 57.

новые догматы столь же нужны для держащихся этой теории, как дождь сухой земле; и нелепое учение Булатовича нашло себе защиту у них потому, что оно давало возможность поговорить о том «нужном догмате, коего пока нет» * и который так хотелось создать не только Булатовичу, но и ряженым московским неохристианам.

По учению же православной Церкви, никаких новых догматов в Церкви никогда не являлось и явиться не может и если известное учение выдает себя за нового догмата, то eo ipso оно есть ересь. Даже Вселенские соборы никогда не говорили о новых догматах, а свою задачу видели лишь в том, чтобы точно выразить веру апостольскую, «веру отеческую, веру вселенскую» и силою древнего предания поразить новые и доселе неслыханные в Церкви учения **.

Тем более не иметь права говорить о каком бы то ни было новом догмате частное лицо или кружок. Самая мысль о новом догмате уже свидетельствует о преступной гордыне духа, ставящего себя выше учения церковного и потому отделяющегося от нее. Таково происхождение всех ересей, таково, в частности, происхождение и ереси Илариона и Булатовича. Всякая ересь есть разрыв с теми переживаниями, коими живет вся Церковь.

Ссылка Булгакова на формулу «in necessariis unitas, in dubiis libertas» есть ссылка на протестантскую формулу, ложно приписанную некоторыми малограмотными богословами св. отцам. Не менее неудачна и ссылка на слова апостола Павла: «Подобает и ересям быти». Здесь вовсе не говорится о догматических разногласиях, а о беспорядках при трапезах в Коринфской общине. «Под именем ересей, пишет наиболее авторитетный толкователь Священного Писания св. Иоанн Златоуст, он разумеет не заблуждения касательно догматов, но эти самые распри... Что апостол действительно ересями называет здесь беспорядки при трапезах и бывшие при этом несогласия и раздоры, это он ясно выразить последующими словами. А именно, сказав: слышу в вас распри сущие, не остановился на этом, но, желая объяснить, как он понимает распри, говорит далее: кийждо свою вечерю предваряет (ст. 21), и еще: еда бо домов не имате во еже ясти и пити? Или о Церкви Божией нерадите» (ст. 22)? Очевидно, что он говорит об этих беспорядках; а что называет их распрями, не удивляйся; он хотел, как я сказал, сильнее подействовать на них этим выражением. Если бы он

* Апология. От редакции. XII.

** Деяния Вселенских соборов. 2-е изд. Т. I. С. 235.

разумел догматические распри, то не говорил бы так с ним коротко. Когда он говорит о них, то послушай, с какою силою и предохраняет, и обличает; предохраняет, когда говорит: аще ангел благовестит вам паче, еже прияте, анафема да будет (Гал. 1, 8, 9), обличает когда говорит: иже законом оправдается, от благодати отпадосте (5, 4); а смутьянов называет то псами: блюдитесь, говорит, от псов (Фил. 3, 2), то сожженным в совести и служителями дьявола (1 Тим. 4, 2)*. Так же понимает это место и блаженный Феофилакт Болгарский**. И эти слова св. отцов могут служить лучшим возражением против утверждения Булгакова, будто апостол Павел «снисходительно» относился к ересям, если они не имели непримиримого характера и что движение имябожников «по существу есть радостное событие в жизни Церкви».

Совершенно напрасно ссылается г. Булгаков и на окружное послание восточных патриархов 6 мая 1848 г., где говорится лишь, что «хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви», т. е. самый народ, но вовсе не усваивается этому телу церковному права *принятия* новых догматов, как делает Булгаков.

Но если не только патриарх и Св. Синод не устанавливали новых догматов, а новые догматы и вообще не мыслимы в православной Церкви, то в чем же видит г. Булгаков превышение власти в деле имябожников? В том, что лжеучение осуждено без Собора.

В пренебрежении соборными принципами он обвиняет как патриарха Германа, так и Русский Святейший Синод. По мнению Булгакова, «образ действий патриарха в афонском деле, где он прямо заявляет, что после синодального рассмотрения «мы единодушно осудили сказанное новоявленное учение и объявляем в Св. Духе сие учение, как хульное и еретическое»», несогласен с определением упомянутого послания 1848 г., и «патриарх в этом документе терминологически, внешне изображает из себя непогрешимого Папу». Но стоит лишь прочитать послание по-гречески, и все обвинения рассеются как дым. Ведь *σύνωδος* и значит Собор, и слова «после синодального рассмотрения», если заменить греческое слово русским, и нужно перевести «после соборного рассмотрения». Константинопольский синод и есть Собор иерархов, только не временный, а по-

* Беседа 27 на Первое посл<ание> к Коринф<янам>. Мг., 61, 226; Р и X, 268—269.

** Толк<ование> на 1 Кор. 11, 19.

стоянный (σύνοδο ἑνδοχόσα), и неужели Собор приобретает власть только от того, что он собирается периодически?

Выражение «во Св. Духи» вполне уместно, ибо верность учению православному как вся Церковь, так и каждый отдельный член ее сохраняет по действию в ней Св. Духа. Ложность католическая) учения о непогрешимости Папы, заключается, главным образом, в том, что Папа объявляется непогрешимым *non ex consensu ecclesiae*¹⁰, тогда как патриарх ссылается на единодушное осуждение Собора, и следовательно вовсе не изображает «непогрешимого папу», как пишет г. Булгаков. Писать, что отрицание патриархом возможности новых догматов, есть тоже новый догмат, может лишь человек, не читавший Деяний Вселенских соборов. Святейший Синод Булгаков упрекает в *притязаниях* излагать «православное мудрование об именах Божьих». Но излагать такое мудрование может не только Синод, но и всякий православный мирянин. По-видимому, г. Булгаков недоволен, главным образом, тем, что Святейший Синод обошелся в данном случае без содействия мирян. По его теории учащей Церкви не существует в православии и «учит вся Церковь, иначе вся Церковь в ее целости; учащей Церкви в ином смысле Церковь не признает», и следовательно, в данном случае была допущена иерархией узурпация власти, принадлежащей ей совместно с мирянами.

Но и с этой теорией согласиться никак нельзя, хотя Булгаков и ссылается на признанный (кем?) в этом вопросе авторитет Хомякова.

Если вся Церковь учит, то спрашивается: кого же она учит? Очевидно, учит кого-нибудь, находящегося вне Церкви. Но если так, то речи о всеобщем учительстве христиан имеют тот же смысл, что и речи о всеобщем священстве христиан.

Все христиане являются священниками для нехристиан (подобно тому как в Ветхом Завете были священством евреи для язычников), а в силу такового своего священнического достоинства и учителями и даже совершителями таинств, точнее единственного доступного для нехристиан таинства — крещения. Но как помимо всеобщего священства в верующих внутри Церкви существует священство иерархическое, так и помимо учительства, всеобщего, в Церкви есть учительство, принадлежащее исключительно иерархии.

Право такового учительства столь же неразрывно связано с иерархическим достоинством, как и право управления священнодействия и отрицание таковой связи есть в сущности попытка заменить православное учение о священстве учением протес-

тантским. Когда говорится, что «хранителем благочестия у нас есть все тело Церкви, т. е. весь народ христианский», то здесь понимается лишь учительство частное, а не официальное, или вернее исповедание веры, которая составляет обязанность всех верующих, но никак не формулировка догматов, которая, по ясно выраженному учению Церкви, составляет дело одних епископов. «Дважды в год да бывает Собор епископов, гласит 37-е апостольское правило, и да рассуждают *они друг с другом* о догматах благочестия и да разрешают случающиеся церковные прекословия» (ср. Халкид. 19)*. «Не подобает мирянину пред народом произносить слово или учить, и так брати на себя учительское достоинство», заповедует 64 правило Трулльского собора¹¹, но повиноваться преданному от Господа чину, отверзая ухо принявшим благодать учительского слова, и от них поучаться божественному. Ибо в единой Церкви разные члены сотворил Бог, по слову апостола (1 Кор. 12, 27), которое изъясняя Григорий Богослов¹², ясно показывает находящийся в них чин, глаголя: сей, братия, чин, почтим, сей сохраним: сей да будет ухом, а тот языком: сей рукою, а другой иным чем либо, — сей да учит, тот же да учится. И после немногих слов далее глаголет: учащийся да будет в повиновении, раздающий да раздает с весельем, служащий да служит с усердием. Да не будем все языком, аще и всего ближе сие, ни все апостолами, ни все пророками, ни все истолкователями. И после неких слов еще глаголет: почто твориши себе пастырем, будучи овцою; почто делаешиися главою, будучи ногою; почто покушаешиися военачальствовати, быв поставлен в ряду воинов**. «Догматы — дело архиереев, так как мы имеем ум Христов», — читались на VII Вселенском соборе¹³ слова св. Григория Двоеслова***¹⁴. Так же учит и св. Иоанн Дамаскин****¹⁵.

Правда, учительство иерархии не должно происходить в разобщении от мирян, и потому сотрудничество мирян, имевшее место и на Соборах, допустимо и даже желательно, но желательно потому, что Церкви вообще не свойственно разобщение и Дух Святой подается иерархии, объединенной союзом веры и любви с паствой и охраняет непогрешимость учительства первой, а вовсе не потому, что *consensus laborum*¹⁶ является какой-то высшей самих Вселенских соборов инстанцией.

* Σ. П, 50—52, ср. 256—267.

** Σ. П, 453—456.

*** Деян. 42.

**** Об иконах, сл. I, заключение; Мг. 94, 1281; Р. п. 40; Сл. 2, гл. 12 и 16 и заключение. Мг. 94, 1297, 1303, 1315; Р. п. 53, 57, 83.

Но если так, то значит, что и патриарх, и Синод поступили вполне правильно, осудив новоизмышленное учение и выразив православное учение об именах Божиих. И в Константинополе и в С.-Петербурге вопрос этот рассматривался Собором епископов, и определение издано также от имени их. Такой порядок в обеих церквах существовал всегда, и еще недавно Святейший Синод точно таким же порядком осудил секту Иоаннитов *¹⁷, и почему-то издатели Религиозно-философской библиотеки тогда не находили нужным протестовать.

«Почему не были опрошены духовные академии, видные представители православного пастырства и мирян, вообще почему не был соблюден хотя внешний декорум соборности, — пишет о. Булгаков, — на это не может быть удовлетворительного ответа». Но откуда г. Булгаков взял, что декорум соборности состоит в опрашивании мирян? Пусть бы он указал, где, в каких церковных постановлениях предписывается такой декорум и перед каким Собором он выполнялся. Ничего подобного нигде не предписано и никогда не практиковалось, и если бы церковная власть поступила так, и обратилась к мирянам с недоумением, как следует решить известный догматический вопрос, то это было бы равносильно отказу ее от своего права и долга учительства.

Однако, в данном случае церковная власть ни в чем не проявила стремления и обособиться от мирян. Мнение (но не решение) представителей богословской науки было испрошено там, где была нужда и возможность это сделать, — т. е. в Константинопольской церкви, в каковой возник этот вопрос и которая имела больше времени для его рассмотрения. Русская же Церковь вопроса по существу и не имела в виду решать, так как пересмотр вопроса, уже решенного другою Церковью, в Церкви Русской был бы равносильно присвоению права суда над нею. В Святейшем Синоде вопрос рассматривался не столько по существу, сколько с своей практической стороны, с точки зрения тех практических мер, которые нужно было предпринять в целях содействия Константинопольской церкви в ее борьбе с лжеучением. А в таком вопросе опрос представителей богословской науки вряд ли был нужен. А главное, для него совершенно не было времени. Для русского Святейшего Синода вопрос возник неожиданно и притом сразу в самой острой форме, требующей немедленного принятия практических мер для умиротворения смуты, каждую минуту грозившей перейти в кровавое побоище. Это прекрасно знает и сам г. Булгаков. «Еще весной, — пишет

* См.: Церковн<ые> вед<омости>. 1912. № 24.

он, — от видного представителя Министерства иностранных дел я слышал мнение, что бездействие власти на Афоне, к сожалению, невозможно и ей придется рано или поздно дать окончательный перевес той или другой партии». Но телеграммы и письма с Афона и от имябожников, и от православных, и от представителей власти согласно свидетельствовали, что перевес той или другой стороне надо дать немедленно, а не «рано или поздно».

А затем, и самое главное, г. Булгаков сам себе противоречит, того не замечая, когда, с одной стороны, требует опроса видных представителей православного пастырства и мирян (из скромности он не прибавляет — издателей Религиозно-философской библиотеки), а с другой — все время твердит, что вопрос этот так необычайно труден, что даже в «церковных кругах он не находит не только единомыслия, но даже и понимания (!) — что большинство застигнуто этим вопросом врасплох» и т. д. Если уже после опубликования Синодального послания вопрос все еще не находил себе понимания, то к чему же было и спрашивать людей, даже не понимающих вопроса? Неужели для того, чтобы выслушать заявление о «нейтралитете», какое делает теперь г. Булгаков. Но, быть может, г. Булгаков скажет, что были и понимающие. Но если так, то кто же мешал им просветить других и опубликовать свое мнение. На самом деле, кроме издания нелепой книги Булатовича с не менее нелепым предисловием и брошюр, в которых под нейтральным флагом «Материалов» провозится контрабанда еретического учения, только усиливших смуту, видные представители мирян ничего не сделали, а большинство лишь подобно Пилату, умывали руки. Недаром сами издатели Апологии называют молчание богословских журналов об учении имябожников «*позорным*».

Г-н Булгаков предоставляет иерархии право «в порядке церковного управления осуждать лишь такие мнения, которые содержат в себе прямое или косвенное отрицание уже признанных догматов и в этом смысле явно являются еретическими. В вопросах же новых, впервые ставящихся в церковно-историческом развитии, впредь до наступления догматической зрелости для того или иного учения, остается свобода для богословского искания». К числу таких новых вопросов, по его мнению, принадлежит и вопрос об именах Божиих, вопрос не находящийся не только единомыслия, но и понимания.

На самом деле нов не вопрос, а слишком новы, слишком недавни и неглубоки знания у некоторых лиц, в простоте душевной вообразивших себя богословами.

Но нельзя пенять на зеркало, если черты лица не совсем правильны, и нельзя считать вопрос новым только потому, что занявшийся им слишком мало знает в данной области. На самом деле, для всякого лица, получившего законченное и систематическое богословское образование, ложность учения имябожников настолько очевидна*, что как-то кажется странным его опровергать. Как подробно выяснено в нашей статье «Учение св. Григория Нисского об именах Божиих и имябожники», вопрос о природе имен Божиих и отношении к ним человека подробнейшим образом обсуждался еще в четвертом веке во время борьбы Церкви с лжеучением Евномия¹⁸, сходным с имябожничеством, а в восьмом веке была выработана и утверждена всею Церковью точная положительная формула о почитании всех образов (εἰκόν) Бога, к которым относятся и имена Божии¹⁹. Коренное расхождение имябожничества даже с признанными, по терминологии г. Булгакова, догматами, очевидно, и следовательно, даже с его точки зрения, иерархия была вправе осудить это учение.

III

Порицая иерархию за то, чего она не сделала, за пренебрежение внешним декорумом соборности, г. Булгаков еще строже порицает и патриарха, и русский Святейший Синод за то, что они сделали.

Патриарха г. Булгаков упрекает за упрощенное производство, за то, что он объявил новое учение «хульным злословием и ересью» на основании доклада халкинских богословов, которые сами признаются, что за недостатком времени и незнанием русского языка; они не могли ознакомиться с «Апологией» о. А. Булатовича и основывали свое суждение на «иных» (?) русских и греческих рукописях, «в виде ли исповеданий или также в виде наставлений и поучений». «На основании таких-то темных источников и с такой спешностью вынесен был столь решительный приговор!» — восклицает г. Булгаков.

* Но как же письмо заслуженного профессора? Перечитайте его и увидите, что оно все написано в тоне защиты книги, нелепость которой писавший признавал, но которую по посторонним соображениям все же хотел похвалить. Притом, по слухам, письмо это опубликовано помимо воли автора, конечно, не думавшего, что его снисходительно-угодливые комплименты попадут в печать.

Совершенно напрасно г. Булгаков ставит знак вопроса после слова «иных» и называет иные — эти рукописи «темными источниками». У имябожников и помимо «Апологии» существовал не один десяток трудов и трудов, даже более точно выражающих их учение, чем Апология, в составлении которой довольно сильно сказалось участие «высокопросвещенных российских богословов». Исповедания, на которые ссылается доклад, являются своего рода символическими книгами секты, ибо они были прочитаны и приняты на их «соборах». И помимо исповеданий халкинские богословы имели в своем распоряжении даже на греческом языке книги, составленные имябожниками. Такова, напр<имер>, составленная Булатовичем брошюра «Ἡ δόξα τοῦ Θεοῦ εἶναι Ἰησοῦς»²⁰. Что халкинским богословам приходилось спешить — это правда, но виноваты в этом не они, а те, кто выкидывал из окон Андреевского скита православных монахов. Не нужно забывать и того, что вопрос об имябожниках рассматривается в Константинополе трижды: первый раз покойным патриархом, второй раз халкинской школой и третий раз синодом, в числе членов которого были лица, знавшие русский язык и читавшие «Апологию» Булатовича.

Совершенно несправедлив и другой довольно гаденький намек Булгакова по адресу патриарха. Он пишет, что патриарх высказался против имябожников «с весьма подозрительной быстротой и легкостью». По-видимому, намек этот навеян уверенностями имябожников, что патриарх был подкуплен. В Одессе по поводу такого обвинения патриарха имябожниками произошел комический инцидент. Имябожники распространили слух, что патриарха подкупил Пантелеймоновский игумен, послав ему семь пудов икры, как значится в книгах одесского подворья. Посмотрели книги. Оказалось, что подворье послало к именинам патриарха 3 фунта икры и притом поскупилось и купило двухрублевую несвежую икру, так что пришлось послать другие три фунта. На подобных основаниях покоится гадкая клевета еретиков на первосвященника вселенской Церкви.

Если же г. Булгаков хочет сказать, что патриарх в деле имябожников руководился не справедливостью, а национальными греческими интересами, то это также неправда, ибо, ни патриарх, и никто из греков никакого участия в составлении еретических писаний имябожников не принимал, а наоборот, патриарх сначала принимал лишь меры против распространения и чтения их на Афоне (грамота Иоакима III), и не вина греков, если русские монахи не вняли его увещанию и преемнику его пришлось поднять вопрос о выселении неправомыслящих с

Афона, так как неправославным здесь жить не дозволяется и все усилия, например, католических монахов основать на Афоне свой монастырь оказались безуспешны.

Еще строже осуждает г. Булгаков русский Святейший Синод. В нем, очевидно, забродили старые дрожжи, и он мечет громы и молнии против церковной власти с такой же страстностью, с какой некогда метал он их против «ненавистного правительства». Он обвиняет прежде всего Святейший Синод в политике зажимания ртов.

«Церковная власть, — пишет он, — вместо содействия выяснению вопроса прибегла и в данном случае к излюбленному приему зажимания ртов и фактически изъяла вопрос из обсуждения духовных журналов».

На чем основывает г. Булгаков это обвинение, сказать трудно. Можем заверить читателей, что никакого, абсолютно никакого подобного распоряжения со стороны церковной, власти сделано не было. Был лишь слух, что ректор одной из духовных академий по собственной инициативе уже после опубликования послания Святейшего Синода предложил редакции академического журнала не помещать статей по данному вопросу. Но говорить на основании этого факта о зажимании ртов церковною властью — это значит сознательно обманывать читателей. Ведь с начала афонских споров до этого распоряжения прошел не один год, да и после его никто не мешал желающим сколько угодно обсуждать вопрос в любом другом академическом или частном духовном журнале, или в отдельных брошюрах, и если даже в академических журналах, кроме довольно неумных выходов против церковной власти, навеянных светскими газетами*, ничего не появилось, то церковная власть тут ни при чем. В данном случае жалующиеся на «зажимание ртов» прибегают к слишком известному приему: человеку нечего сказать, а от него ждут слова, и он начинает жаловаться, что ему не дают говорить. Если в академических журналах беспрепятственно помещались выходы против церковной власти, позаимствованные из «Русских ведомостей», то, конечно, серьезная статья по вопросу об учении имябожников была бы встречена лишь с сочувствием.

Нам думается, что как Булгаков, так и издатели материалов жалуются на несуществующее «зажимание ртов» просто по соображениям «тактического» характера. Как-никак, а все же до

* См., например: Церк<овный> вестник. 1913. № 39. С. 1214: «Уроки афонского движения».

сих пор за имябожников не высказался открыто ни один сколько-нибудь известный православный богослов, а авторитет московских доморощенных» богословов весьма невелик. И вот волей-неволей им приходится объяснять это странное обстоятельство мифом «зажимания ртов».

Недоволен г. Булгаков и судом Святейшего Синода над новым учением, недоволен здесь решительно всем. Ему не нравится прежде всего выбор лиц, которым поручено было составление докладов. Архиепископ Антоний, по его мнению, является в этом деле стороной и потому, казалось бы, должен быть отведен. Требование более чем странное, ибо если выполнять его, то пожалуй, пришлось бы на вселенских соборах «отводить» всех епископов, защищавших православие. Архиепископу Никону ставится в счет его семинарское образование. К сожалению, упрекающий сам никакой ученой богословской степени не имеет. Но особенно достается автору сих строк, и г. Булгаков тщательно подыскивает самые обидные и ехидные эпитеты, по-видимому, чтобы отплатить «зуб за зуб» за мой непочтительный отзыв об издателях Апологии *. Г-н Троицкий квалифицируется здесь как и «доселе неведомый», «гуттаперчевый» и «портативный» богослов. Помня, что, по справедливому замечанию св. Григория Нисского, «старание оскорблять есть болезнь мышления и несчастье души, в которой искажен здравый смысл» **, мы не будем следовать примеру г. Булгакова, и охотно предпочли бы вопрос о себе совсем оставить в стороне, если бы не одно обстоятельство.

Хотя отвечать на обвинения г. Булгакова, это значит как будто прибегать к саморекламе, но в данном случае приходится сделать это, ибо г. Булгаков бросает тень и на церковную власть, принявшую во внимание доклад такого богослова. Что я до сих пор не был ведом г. Булгакову — этому я охотно верю, но ведь ему и вообще не многое ведомо в той области, о которой он так развязно судит, но что я вообще был неведом как богослов и ранее, с этим согласиться никак не могу, ибо в течение последних восьми лет статьи мои помимо многих других журналов за моею подписью, появлялись почти в каждом №-ре органа Святейшего Синода «Церковных ведомостей», а «Церковные ведомости» получает не только все духовенство Русской церкви, но и другие автокефальные Церкви, причем многие мои статьи

* См. статью «Борьба с афонской смутой» (Церк<овные> вед<омости>. 1913. № 36) и выше, с. 177.

** Против Евн<омия>. Кн. 12. Мг. 45, 1117; Р. п. VI, 507.

были переведены на сербский, болгарский, греческий, итальянский и другие языки, в иностранных журналах помещены были о моих книгах и статьях лестные заметки*. Многие крупные вопросы, волновавшие в последние годы нашу и другие православные Церкви, например, о второбрачии духовенства, о средствах его содержания, о восстановлении чина диаконисс и т. п. получали наиболее полное разъяснение в моих книгах. В данном же случае, доклад мой был принят во внимание просто потому, что ничего другого под руками не было, а ждать было нельзя, мне же пришлось заняться вопросом об имябожниках потому, что движение это разыгралось вне границ Русской церкви, а следить за течением церковной жизни за границей является моей прямой обязанностью как постоянного сотрудника «Церковных ведомостей».

Обвинение в гуттаперчевости со стороны лиц, разыгрывающих комедию лояльной оппозиции в области церковной жизни, конечно, неизбежно должно коснуться всякого, кто не хочет участвовать в этой комедии, а в устах г. Булгакова оно принимает тем более странный характер, что, как увидим далее, оно подтверждается весьма и весьма «гуттаперчевым» приемом — заменой многоточием моих слов.

Что касается портативности, то, конечно, я не знаю, приходилось ли когда г. Булгакову исполнять обязанность кули и насколько он компетентен в этой области труда, но зато я твердо помню, что никогда на спине г. Булгакова не сидел и потому судить о моей портативности он не может. Если же он видит портативность в том, что я, несмотря на то, что меня связывали неотложные дела, после неоднократных отказов все же поехал по распоряжению своего прямого начальства на Афон, то ему бы следовало припомнить, не сделал ли того же самого немного ранее меня один из сотрудников Религиозно-философской биб-

* Напр<имер>, наша магистерская диссертация: «Второбрачие клириков» переведена на сербский язык в лучшем сербском журнале «Богословски гласник». См. также журналы «Bessarione» (1910. Ott-dic., 74—78; 1912. Ott-dic.); болгарский «Церковен вестник» (1910. № 80. С. 376—376; № 31—32. С. 392—398; № 33. С. 408—409); *Echos d'Orient*. 1910. Septembre. 290—295; сербский «Христиански весник» (1910. 587 сл.); «Богословски гласник» (1907. 12. 249 сл.; 1909. 2. 136—143; 1908. 14, 109 сл.); «Гласник Православие Цркве» (1913. 259 сл.); «Пръглед» (1907. № 2); *Slavorum Litterae Theologicae* (Annus III. 55; IV. 220; V. 60—63; 87. 161); *Revue d'Histoire ecclesiastique*. 15 Iullet. 1912. P. 613; *Rivista di Apologia Cristiana*. A 1913. Fasc. XLIX. Vol. IX. P. 1—15 и мн. др.

лиотеки. Или г. Булгаков держится готтентотской морали: когда сделаю я — это хорошо, когда сделают то же другие — это худо.

Г-н Булгаков недоволен не только докладчиками, но и докладами. «Надо мысленно поставить себя в положение инока, которому это послание и якобы разъясняющие и восполняющие его доклады надо принять “не за страх, а за совесть” и который бы действительно попытался сделать это». Но трудно допустить, что г. Булгаков не понимает, что доклады, напечатанные в неофициальной части «Церковных ведомостей», ни для кого не обязательны и что никому их принимать не приходилось, и потому думается, что он просто нарочно наивничает, чтобы смутить читателя.

Указания г. Булгакова на разногласия между докладами или слишком общи и неопределенны, или неправильны. У архиепископа Антония г. Булгаков находит крайний рационализм, у Троицкого — «завуалированность позиции, приближающейся к имяславству»; у архиепископа Никона — «три разных варианта учения об имени Божии», но в чем состоит этот рационализм и не является ли он просто беспощадным разоблачением неразумного учения — г. Булгаков не говорит, так же, как не говорит и о том, не являются ли «три варианта» в учении об имени Божии у архиепископа Никона просто раскрытием разных сторон этого учения. Что касается «завуалированности» моей позиции, то опять-таки г. Булгаков как будто нарочно не говорит, в чем именно видит он эту завуалированность и лишает тем меня возможности ответить на крайне неопределенное обвинение. Что я стремился изложить учение об имени Божиим в форме, наиболее восприимчивой для имябожников — это правда, но это не имеет ничего общего с той позицией между двух стульев, которую ныне находит нужным занимать г. Булгаков.

«Наконец, даже по принципиальному вопросу, есть ли имя Божие божественная “энергия”, оказалось совершенно неприемлимое разногласие, — ставит единственное определенное обвинение г. Булгаков, — ибо, тогда как в синодском послании в качестве “православного мудрования” утверждается, что имя Божие не есть энергия Божия» (с. 285), — в докладе г. Троицкого, в качестве православного учения», прямо провозглашается, что «имя Божие, понимаемое в смысле откровения Божия... есть вечная, неотделимая от Бога энергия Божия» (с. 906). Но тут недобросовестность г. Булгакова превосходит всякие границы. Точками он заменяет наши слова, «и притом по его объек-

тивной стороне, т. е. в смысле открывания истин человеку» и пропускает потому, что приведи он их, и сразу стало бы ясно, что никакого противоречия между моим докладом и синодальным постановлением нет и что приводимая г. Булгаковым фраза означает лишь то, что выражение «имя Божие» имеет в библейском языке несколько смыслов, в частности, смысл существа Божия и действия Божия, но отсюда вовсе не следует, что имя Божие в смысле названия, наименования Бога было существом Божиим или энергией Божией, подобно тому как из того, что губа в смысле залива может быть несколько десятков верст в длину и служить гаванью, вовсе еще не следует, чтобы это можно было сказать и о губе в смысле части тела или в смысле административной единицы. Что имя Божие в смысле наименования, разумеет ли под ним звуки имен или идею, звуками выражаемую, не есть энергия Божия — это, говорится и у меня, как и в синодальном послании (см., напр<имер>, с. 905 и др.). Что полного совпадения между докладами, составлявшимися независимо друг от друга, нет, это, конечно, было неизбежно, так как индивидуальность авторов должна была сказаться, но ведь полного совпадения нет и между Евангелиями, и между тем, по мысли Иоанна Златоуста, несходство в частности и полное согласие в главном и служит доказательством истинности содержания их. Надеюсь, что г. Булгаков не выведет отсюда, что мы приравниваем доклады к Евангелиям.

Не одобряет г. Булгаков и самого послания Святейшего Синода. «Резолютивная часть синодского послания, — пишет он, — формулирована спешно и неопределенно (см. решающий п. 1, с. 285), так что совершенно не фиксирует догматической идеи. Первая половина п. 1 «имеславческая»: *«имя Божие божественно, потому что открыто нам Богом»* (стало быть, энергия); вторая половина всячески ограничивает это суждение и говорит, что имя Божие есть только имя, а не сам Бог и *не Его свойство*», но тогда как же оно божественно и как может быть «открыто»?»

Это замечание г. Булгакова обличает лишь младенческое его неведение в той области, в которой он хочет выступить в роли чуть ли не третейского судьи.

Слово «божественный» (θεῖος) на богословском языке вовсе не значит лишь «имеющий божескую природу или достоинство», а часто значит лишь имеющий отношение к Богу, к религии. Божественными называются и все священные символы, а у греков титул θεῖος обычно прилагается даже к епископам. «Открыто нам Богом — стало быть, энергия», заключает г. Бул-

гаков. Вовсе не «стало быть, энергия», а «стало быть», г. Булгаков не знает, что, по православному учению, откровение есть акт двусторонний, в коем благодать, энергия Божия действует на действующую согласно с ней, но все же сознательно и свободно душу человеческую и что потому из того, что имя Божие открыто Богом, вовсе еще не следует, что оно есть энергия Божия, а не есть проявление энергии человеческой, облекающей в доступную людям форму акт воздействия на нее свыше.

Своего «fortissimo»²¹ филиппика г. Булгакова достигает тогда, когда он переходит к тому, что он называет «пастырско-усмирительной экспедицией архиепископа Никона». Неудивительно, когда встречаешь ругань без малейшего желания вникнуть в дело в еврейской периодической печати (а ее у нас, по последним данным, 95%). Для этой печати представить действия церковной власти в возможно скверном и смешном виде в высшей степени желательно. Но странно видеть такое детское легковерие и такое полное нежелание узнать истину и правильно оценить факты со стороны лиц, претендующих на роль носителей нового религиозного сознания. Г-н Булгаков считает нужным всецело стать на сторону своих будто бы обиженных клиентов. «Образовались две враждующие партии, из которых каждая притязала на руководящее значение в монастыре», — пишет он. Таким образом, выходит, что как будто православные были лишь партией, равноправной с имябожниками. На самом деле православные вовсе *не притязали* на руководящее значение в монастыре, и в руках православных и в монастыре, и в скиту была законная власть, так как и там и здесь запойными игуменами были православные. «Партией “имеславцев” был свергнут (и, к сожалению, не без насилий) “имеборческий игумен Андреевского скита”», — пишет г. Булгаков и добавляет в защиту своих клиентов: «Согласно пониманию “имеславцев” Афонская конституция представляет выбор игуменов братии». Но если бы г. Булгаков вместо мягкого, будто невзначай оброненного словечка «к сожалению, не без насилия» нарисовал бы истинную картину этого свержения игумена, когда организованная храбрым Булатовичем кучка имябожников избилла и выбросила за монастырские ворота десятки православных монахов, а потом, заперев ворота, насильно заставила остальных подписать новое исповедание и несколько месяцев не выпускала никого из монастыря, так что православные монахи по ночам выбрасывались из окон или спускались по веревкам и бежали к своему законному игумену, принужденному жить подаяннем, то впечатление было бы иное. Затем дело не в «понимании»

имябожниками Афонской конституции, а в ее требованиях, а по этим требованиям никакого права сменить игумена в Андреевском скиту имябожники не имели, ибо скит не есть самостоятельная единица и без согласия монастыря не имеет права сменять игумена, в данном же случае согласия монастыря (Ватопедского) на смену игумена не было, и, наоборот, сам монастырь возбудил дело о признании самочинно и с нарушением порядка избрания поставленного имябожниками игумена незаконным и о лишении избравших церковного общения. Поэтому русская власть, лишив «новое управление», возможности получать кассу и почту, поступила вполне законно.

«В это время (весной) состоялось осуждение нового учения со стороны Святейшего Синода, — продолжает свою филиппику г. Булгаков, — в за ним последовала и афонская экспедиция архиепископа Никона, которая началась с увещания и закончилась «передачей полномочий гражданской власти». Смеем уверить г. Булгакова, что участие в том, что ему угодно назвать «экспедицией» архиепископа Никона, только в увещаниях и заключалось и никакой «передачи полномочий гражданской власти» не было, ибо архиепископ Никон не мог передать того, чего не имел сам. «Краска стыда, негодования, горя, обиды за Церковь, — восклицает с деланным пафосом г. Булгаков, — появляется на лице при мысли об этой экспедиции и о той печальной роли, до которой допустил себя православный архиепископ, не устранившийся от морального соучастия в гнусной расправе с афонскими иноками». Поменьше пафоса и побольше разума, г. Булгаков! В чем выражалось это моральное соучастие архиепископа в гнусной расправе с иноками, нужно бы сказать определенное. Совершенно непонятно и то, в чем видит г. Булгаков «гнусную расправу с иноками. В том, что имябожники были увезены с Афона? Но ведь после признания их учения неправильным и греческою и русскою церковною властью — это было неизбежно. «Конституция Святой Горы» не позволяет неправославным жить на ней, и еще 5 апреля патриарх в послании заявил, что «отнюдь невозможно, чтобы (на Афоне) оставались таковые и пятном своим порочили честное ваше место» *. Точно так же высшее управление Св. Горы, афонский протат, заявил архиепископу Никону, что все неповинующиеся патриаршим грамотам должны оставить Св. Гору. И русская власть не могла не согласиться с законностью этого требования, тем более, что оставить имябожников на Афоне, значило дать им

* Материалы. 48.

возможность, прикрываясь авторитетом Св. Горы и пользуясь громадными монастырскими средствами, осуществить свой план — наводнить всю Россию листками, направленными против церковной власти и в защиту лжеучения*. Слезно умоляли о том, чтобы увезти ту или другую партию с Афона и православные афонские монахи, рассказывая, что уже не раз имябожники делали попытку поджечь монастырь, чтобы, пользуясь смятением, ограбить кассу. А главное, сами имябожники письменно просили увезти их с Афона, так как невозможность дальнейшей жизни с православными была ясна и для них**.

Таким образом вопрос был только в том, русская ли власть должна увезти имябожников с Афона или греческая. Вряд ли г. Булгаков станет утверждать, что целесообразнее было бы сначала на некоторое время предоставить православных произволу имябожников, а потом самих имябожников и русские монастыри власти другого государства.

Но, быть может, г. Булгакова возмущают принудительные меры, принятые в отношении к имябожникам? Нужно заметить, что арх. Никон, ни автор сих строк очевидцами этих мер, вопреки уверению «Материалов»*** не были и поэтому, насколько они были неизбежны, судить не берусь. Но мне известно, что меры эти были приняты лишь в одном Пантелеймоновском монастыре, а из Андреевского скита монахи уехали без всяких принудительных мер. Спрашивается, кто же мешал пантелеймоновским имябожникам сделать то же, что сделали их единомышленники в скиту и добровольно сесть на пароход, о присылке которого они просили сами? И в монастыре большинство монахов хотели сделать то же, но им помешала кучка смутьянов, понимавших, насколько выгодна для успехов лжеучения роль страдальцев за веру и с целью разыграть эту роль предъявивших консулу довольно прозаическое требование о разделе монастырских капиталов. Я не чувствую себя компетентным в чисто полицейском вопросе, какие меры должен был

* См. литографированную тетрадь имябожников — «Разговор послушника с старцем».

** «Просим комиссию забрать нас всех вместе и мы за имя Господа нашего Иисуса Христа с полной покорностью подчинимся Русскому правительству», — писали они в своем заявлении, подписанном 66 виднейшими имябожниками.

*** 2-е изд. С. 50: «Картину этого побоища архиепископ Никон наблюдал в подзорную трубу». К сожалению, таких подзорных труб, с помощью которых можно было бы наблюдать сквозь стены, пока не изобретено.

предпринять консул, не имевший возможности, с одной стороны, оставить имябожников на Афоне, а с другой — разделить им монастырские миллионы, но я думаю, что если бы завтра Иоанновский монастырь в Петербурге был захвачен иоаннитами и иоанниты, несмотря на все увещания, согласились бы покинуть монастырь только под условием дележа всего монастырского достояния, к ним пришлось бы в конце концов применить меры вроде тех, какие применили к имябожникам на Афоне. Если г. Булгаков знает другой исход, пусть укажет. Были ли принятые меры делом неизбежной необходимости или нет, но во всяком случае никакого «морального соучастия» со стороны архиепископа в них не было, ибо о них никто не спрашивал и никто не мог предвидеть, что имябожники, сами просившие ранее об увозе их с Афона, окажут упорное сопротивление гражданской власти.

Забыв, что только что сам обвинил в каком-то «моральном соучастии» лишь архиепископа Никона, г. Булгаков, набрасывается уже и на всю церковную власть. «Вместо мудрой терпимости и благожелательности церковная власть, — пишет он, — проявила ревнивое властолюбие, ради которого вырваны и растоптаны пробивающиеся ростки церковной жизни, и притом где же? на Святой Горе, искони почитавшейся святыней православия!» Но именно потому, что Св. Гора есть святыня православия эти, по выражению г. Булгакова, «ростки церковной жизни», а на самом деле довольно пышные цветки самочиния и суеверия, нужно было удалить оттуда, и мудрость этого решения уже засвидетельствована тем миром, который наступил на Св. Горе после удаления этих столь любезных г. Булгакову «ростков».

Не довольствуясь порицаниями, г. Булгаков переходит к угрозам. «Своими действиями, — пугает он, — Синод как будто хочет довершить давно уже происходящий разрыв нравственной связи между ним и церковным народом, и, конечно, самоубийственным для него средством является это расселение по городам и весям российским афонских “исповедников”, вкусивших сладости архипастырского жезла».

«Хоть ты и в новой коже, хочется сказать г. Булгакову в ответ на эту тираду, но сердце у тебя все то же». В самом деле, замените лишь слово «синод» словами «русское правительство» и выкиньте будто втиснутое в речь слово «церковный», и перед нами типичный отрывок из революционной прокламации, запугивающей правительство следствиями разрыва его с народом и рассылки революционеров «в места не столь отдаленные».

Как же не припомнить написанные в минуту душевного просветления прекрасные слова самого же г. Булгакова об «интеллигентском максимализме, составляющем содержание революционных программ и лишь приправленном христианской терминологией и текстами и выдаваемом за истинное христианство» *. Г-н Булгаков во всей статье переносит дух и приемы интеллигентского героизма в совершенно неподходящую для него церковную сферу. По своей основной мысли статья его является апологией кружка, членом которого состоит г. Булгаков, апологией, для успехов которой он, не задумываясь жертвует и интересами Церкви, и интересами истины, подобно тому как политические кружки не считаются с интересами государства и общества. И по своему общему задорному тону, по наскокам на представителей церковной власти, по детским притязаниям заставить других верить себе, не зная, во что верует сам, статья г. Булгакова более напоминает прокламации этих же кружков, чем серьезную статью по волнующему многих богословскому вопросу. Если г. Булгаков, угрожая Синоду разрывом нравственной связи с «церковным народом», под этим церковным народом понимает людей с подобною настроенностью, то он принимает за церковность «самочинное сборище ненаученного народа», по выражению Василия Великого²² (пр. 1), или другими словами, кружковщину, которая когда-то подготовила в Москве деятелей раскола и которая никогда не содействовала истинным интересам Церкви.

«Стыдно сказать, но трудно и молчать, — закончим выдержкой из Деяний VII Вселенского собора, — те, которые до сего времени должны были находиться под руководством и которых следовало учить, не краснея являются в качестве учителей, не боятся и не стыдятся принимать на себя путеводительство душами, тогда как им совершенно незнакома обязанность учительства, потому что они не знают даже того, куда самим-то им идти» **. «Неудержимые распространители этого новшества не могли подклонить свои шеи под церковное предание, но ослепленные подбором подходящих к их мысли мест и убеждением, что постигли истину, они отвергли благочестивое предание» ***.

* Вехи. С. 57.

** Деян. 7, 149.

*** Ibid. 543.